

О свойствах Царя Иоанна Васильевича.

Не для извинения пороковъ и не потому, чтобъ они казались намъ менѣе ужасными, а для объясненія испинъ, хотимъ сказать нѣсколько словъ о Царѣ, котораго и Русскіе и чужеземные писатели провозгласили любѣйшимъ тираномъ, изыскивая, такъ сказать, выраженія къ безславію его памяти (*). Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ

(*) И гр. въ продолженіи всего IX Тома. Келх. до спираницы 408. Гва. кн. VII, ч. IV. въ Zb. IV.

истощать свое краснорѣчіе на поношениѣ усопшаго ; онъ не возвстанетъ изъ могилы и нескажетъ : *ты ошибаешься, ты судишь несправедливо ; ты смотришь на дѣло не съ той стороны, съ какой истина велитъ его разматривать ; ты вѣришь ложнымъ свидѣтелямъ* ; но священный долгъ, безприспастія предписываетъ историку употреблять съ самою спрогою разборчивостію все порицательное , чѣдѣ ни найдетъ онъ въ памятникахъ временъ прошедшихъ , и запрещаетъ присовокуплять къ древнимъ укоризнамъ собственныя свои слова язвительныя , означающія или явное предубѣжденіе , или желаніе похвалиться силою слога . Дѣеписатель благомыслящей никогда не приметъ на себя отвратительной должности ругателя .

Въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ есть неоспоримо черты , которыя показываютъ жестокость Царя Иоанна Васильевича (*). Уважимъ современное повѣствованіе ; но разсмотримъ , отъ чего она происходила ? По свойствамъ ли своимъ Иоаннъ былъ же-

(*) См. въ Русскихъ дослопамятностяхъ , издаваемыхъ Обществомъ Исторіи и Древности Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ I , 170 — 172 выпускѣ изъ Хронографа Сергея Кубасова , и Игр. IX , прим. 3.

стокъ , или по обстоятельствамъ ? Возмемъ на замѣчаніе нѣкоторые случаи его жизни.

Сей Государь , оставшись семи лѣтъ послѣ матери своей Елены , видѣлъ противу себя неслыханныя дерзости: не прошло еще недѣли по ея кончинѣ , какъ Бояре , Князья Василій и Иванъ (Васильевичи) Шуйскіе съ единомышленниками своими , заключивъ (Апрѣля 9 числа 1538 года) самовольно его любимца , Князя Ивана Феодоровича Овчину - Телепнева - Оболенского (въ комнату , за дворцомъ у конюшни) , уморили голодомъ и тяжестію желѣзъ , а супругу Овчины , Агриппину , сослали въ Каргаполь и тамъ поспригли (*). Несколько мѣсяцовъ спустя послѣ того (осенью) , властолюбіе и своекорыстіе произвели скору между Боярами: Шуйскіе и ихъ единомышленники , не спросясь Государя , взяли подъ стражу Князя Ивана Бѣльского , совѣтниковъ его розослали по селамъ , а Дьяку Федору Мишурину велѣли отрубить голову (**). Иванъ Шуйскій довелъ необузданность свою до такої степени , что дерзнулъ лишить Даниила Митрополіи (***) . Хотя Великій Князь и началъ уже приходить въ воз-

(*) Лв. IV, 105.

(**) Лв. IV, 112, 113.

(***) ЦАРК. 76.

распѣ ; но самоуправство Бояръ не уменьшалось : Князья Михайло и Иванъ Кубенскіе , Князь Дмиірій Палецкій и Казначей Иванъ Третьяковъ , завидуя любимцу Государеву, Князю Ивану Феодоровичу Бѣльскому (взявшему опять ко Двору), рѣшились погубить его. Они привлекли на свою сторону множество дѣпей Боярскихъ , въ томъ числѣ всѣхъ Новгородскихъ , и пересылаясь съ начальникомъ войска , во Владимірѣ расположеннаго , Княземъ Иваномъ Шуйскимъ , условились съ нимъ дѣйствовать вмѣстѣ . Сей полководецъ , обязавъ присягою многихъ дѣпей Боярскихъ быть съ нимъ въ единомыслии , отправилъ предварительно въ Москву сына своего Петра и Ивана большаго Шереметева съ 500 воиновъ , а самъ поѣхалъ за ними . Они всѣ прибыли туда (съ 1 на 2 число Января 1542 года) въ ночь , назначенную для исполненія умысла . Возсталъ ужасный мятежъ въ Столицѣ : Государь приведенъ былъ въ препѣтіе . Затоворщики схватили Бѣльского въ его домѣ , взяли подъ спражу на казенный дворъ и днемъ сослали въ заточеніе на Бѣло-озеро , гдѣ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ (въ Маѣ) и былъ онъ убитъ по ихъ собственному приказанию , безъ вѣдома Великаго Князя . Въ тужь самую ночь , когда захваченъ Бѣльскій , необузданые Бояре сдѣлали еще болѣе : они взяли Князя Петра Михайловича Щеняпине-

ва изъ самой комнаты Государевой задними дверьми, и отправили его въ Ярославль; Ивана Хабарова заключили въ погребъ и опять сослали въ Тверь; безчинствую, метали въ келью Митрополита Иоасафа камни и вынудили его тѣмъ удалившись на Троицкое подворье, гдѣ отряженные ими дѣти Боярскіе, Новогородцы, всячески срамословили Первосвященника, котораго бы убили непремѣнно, еслибы Троицкій Игуменъ Алексѣй и Князь Дмитрий Палецкий именемъ Св. Чудотворца Сергія ихъ не упросили. Между тѣмъ Бояре-умышленники, прибыввъ за три часа до свѣту во внутренніе покоя дворца, заспавши пѣть (заупреню) въ крестовой; и когда Митрополитъ Иоасафъ, избавясь отъ погибели, вошелъ въ комнату Государеву, что они съ шумомъ вступили за нимъ тудажъ, взяли его и сослали въ Кириловъ Бѣлоозерскій монастырь (*). Уже на четырнадцатомъ году своего возраста Иоаннъ претерпѣлъ онъ Бояръ чувствительную обиду (Сентября 9 дня 1543 года): при самомъ лицѣ его и Митрополита, въ споловой комнатѣ дворца, на Совѣтѣ, Князья Иванъ Михайловичъ, Андрей Михайловичъ и Феодоръ Ивановичъ Шуйскіе съ единомышленниками своими, Князьями же, Пронскими:

(*) Царк. 100 — 103.

Димитріемъ Шкурлятевымъ, Иваномъ Шемякою и Иваномъ Турунтаемъ, Кубенскими, Палецкимъ, съ Алексѣемъ Басмановымъ и прочими, взволновавшись, бросились на Феодора Семенова сына Воронцова, за то что онъ былъ въ милости у Государя, давали ему пощечины, изодрали на немъ платье и хотѣли его лишиТЬ жизни. Великий Князь послалъ Митрополита съ двумя Боярами - Поплевинами - Морозовыми уговарить ихъ, чтобы оспаили жизнь Воронцову, въ чёмъ они хотятъ и неослушались, но продолжая бить и толкать сказанного любимца Государева, вывели его на площадь и отправили за Неглинную подъ стражу. Тѣмъ же самыемъ особамъ Иоаннѣ препоручилъ впорочно убѣдить бунтующихъ, чтобы они послали Воронцова съ сыномъ на службу въ Коломну, если уже не можно ихъ оставить въ Москвѣ; но Шуйскіе на то не согласились, и велѣли Воронцовыхъ отвезти въ Кострому. При семъ случаѣ некто Фома Петровъ сынъ Головинъ былъ споль наглѣ, что напступалъ на мантию Митрополита и ее изодрали (*). Несколько мѣсяцій спустя послѣ того (Декабря 29 дня), выведенный изъ терпѣнія безчиніями, самовольствами, убийствами и неправдами Боярскими, Иоаннъ

(*) ЦАРК. III — 115.

приказалъ начинщика всѣхъ золъ, Андрея Шуйскаго, отдать пса рямъ, которые, таща къ тюрмамъ, убили сего Князя. Хотя устрашенные такими примѣромъ Бояре и сѣли имѣть повиненіе къ Государю (*); но зло еще не прекратилось: бывъ съ войскомъ въ Коломѣ (лѣтомъ 1546 года), Ioannъ вздумалъ повеселившись охотою; лишь только онъ выѣхалъ за посадъ, то вдругъ приступили къ нему съ прозьбою человѣкъ бо пищальниковъ Новогородскихъ. Государь приказалъ сперва удалить ихъ отъ себя; но они начали посланныхъ его бить и окидывать грязью. Попомъ вельможъ онъ щекавшимъ за нихъ дворянамъ отогнать сихъ послушниковъ; но они стали еще болѣе противиться. Дворяне, бросившись, пригнали бунтующихъ къ посаду, гдѣ пищальники выстроились и сразились со своими преслѣдователями, такъ что пять, или шесть человѣкъ съ каждой стороны было убито. Государя не пропустили пѣмъ мѣстомъ въ его станъ; онъ вынужденнымъ нашелся щадь шуда другою дорогою. Изслѣдованіе сего дѣла, черезъ Дьяка Василья Гнильева, справедливо или иначѣ, открыло Ioannу, что замѣшаны тутъ Бояре: Князь Иванъ Кубенскій, Василій и Феодоръ Воронцовы, изъ коихъ последній былъ уже опять въ

(*) ЦАРК. II4.

случаѣ. Имъ всѣмъ троимъ отрубили головы, какъ за то, такъ и за прежняя ихъ вины: лихоимство и непослушаніе (*).

Споль разителнага происшествія не могли внушить Ioанну хорошихъ мыслей о своихъ Боярахъ, которые портили еще и собственную его нравственность (**). Чѣмъ удивительнаго было бы, еслибы онъ сдѣлался тощачемъ жестокимъ, а особливо находясь въ шесцнадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда разсудокъ имѣетъ всего менѣе воли надъ спрасами? Но такого не случилось: молодой Государь, раздражаемый вельможами, неизвѣдшій усердія въ люби цѣхъ, привыкшій слѣдоватъ первымъ впечатлѣніямъ, вдругъ очувствовался, сознался въ своихъ заблужденіяхъ, помирился съ Церковію, съ народомъ, примирилъ всѣхъ и сталъ добродѣтельнымъ (1). Повѣримъ Курбскому въ томъ, что виною такой важной перемѣны были новые любимцы Ioанна: Попъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ (***) . Государь искалъ, кажется, настоящихъ друзей, обрѣлъ, и предался ихъ совѣту. Чѣмъ вышло? Когда онъ (въ 1553 году), изнемогая отъ опасной горячки, духовною завѣща1ъ по себѣ Державу грудному сыну сво-

(*) ЦАРК. 123, 124 и 346.

(**) КУР. л. 4. См. Ок. № 27.

(***) КУР. л. 5 на оборотѣ и далѣе. См. въ Ок. № 22.

ему Димитрию, и хотѣлъ обѣзать. Боярь присягою вѣ вѣроности кѣ наследнику Царствиа, что опецъ Адашева (Окольничій Феодоръ Григорьевичъ) явно не послушался; а Сильвестръ сталъ чрезъ йроиски благоприятствовать добивающемуся престола двоюродному брату Царя, Князю Владиміру Андреевичу. У Бояръ началось опять смятеніе: одни повиновались волѣ Иоанна иссорились съ Сильвестромъ; другое пропались ей, шумѣли, бралились; Князь же Владиміръ и машь его Евфросинія между тѣмъ подкупали дѣпей Боярскихъ (*); но Государь выздоровѣлъ, и крамола замихла. Сей случай, обнаруживъ Сильвестра, далъ Адашева на замѣчаніе, хотя послѣдній и безоговорочно присягнулъ Димитрию (**). Иоаннъ могъ невольнымъ образомъ испробить вѣ себѣ мечты о добродѣтели и дружбѣ: вѣ благочестивомъ своемъ наставникъ видѣлъ онъ лицемѣра, крамольника и явного предателя (***) ; вѣ другъ, извлеченномъ изъ бѣднѣйшаго состоянія (****), пайнааго сообщника замысловъ опцовскихъ. Ему простиительно было наказать жесточайшимъ

(*) ЦАРК. 338 — 346. Ник. VII, 201.

(**) ИГР. VIII, прим. 583.

(***) См. посланіе Царя Иоанна къ Курбскому 7072 г. 1юля 5 днія въ Кур. или Ок. № 25. ИГР. VIII, прим. 385, 584, 385. IX прим. 3, 4, 15.

(****) Соб. II, № 37.

образомъ неблагодарныхъ своихъ любимцевъ; но онъ штого не сдѣлалъ: Сильвестръ и Адашевъ пользовались еще семь лѣтъ его милоспію; а Князь Владимиръ назначенъ даже былъ въ попечишили къ молодому Царевичу Ioannу (*).

Все сіе доказываетъ ясно, что Царь Ioannъ Васильевичъ отъ природы не былъ шираномъ; но вынужденнымъ нашелся прѣбѣгнуть къ излишней строгости для обузданія своеольныхъ Бояръ и ихъ поборникъ. Онъ бы вѣроятно и не взялся за ето средство, еслибы самижъ царедворцы его не побудили: трося о любезной своей супругѣ Анастасіи, скончавшейся 7го Августа 1560 года (**), Ioannъ разспроился въ силахъ душевныхъ (***) . Слабостію сею воспользовались: изобразили ему Сильвестра и Адашева очаровательными Царицы (****), чѣмъ по тогдашнему образу мыслей могъ онъ удобно представить себѣ вѣроятныи, а особливо зная уже нерасположеніе обвиняемыхъ къ ея роду. Успѣвъ такимъ образомъ удалить отъ Двора обоихъ скажанныхъ любимцевъ, новые временщики развратили Государя и довели его до же-

(*) Соб. I, № 168.

(**) И Гр. VIII, 586.

(***) И Гр. IX прим. 3.

(****) Кур. л. 66 на оборотѣ, въ Ок. № 32.

спокоспей къ родственникамъ и приятелиямъ Сильвестра и Адашева (*). Сіи же спокоспи хотѧ описывать подробно Князь Курбскій ; но мы имѣли уже случай объяснить , что не все имѣть повѣстившее должно принимать за неоспоримую испину (**). Теперь люди безприспастные могутъ сами решить вопросъ : отъ Государя ли произошло начало злу (***) , или отъ царедворцовъ ?

Ко второй , такъ называемой *епохѣ казней* (****) дала поводъ измѣна Князя Курбского , которой Польскій современный Историкъ приписываетъ неудачному сражению подъ Невелемъ (1563 года) , гдѣ Курбскій , предводительствуя большою силою Русскихъ , допустилъ себя разбить малому числу Поляковъ и , убоясь гнѣва Царскаго , бѣжалъ къ неприятелямъ (2). Наши Историки утверждаютъ , что сей военачальникъ ушелъ изъ Юрьева (Дерпта) въ 1564 году (*****) . Какъ бы то ни было , могъ ли Государь соблюсти равнодушіе въ такомъ случаѣ ? Онъ имѣлъ право думать , что его любоначальные , мздоимные , своевольные

(*) Кур. л. 72, въ Ок. № 59 и 40.

(**) См. Ок.

(***) Игр. IX, 17.

(****) Игр. IX, 82.

(*****) Игр. IX, 59 и прим. 107.

Бояре завели опять крамолу. Послѣ розысканій „начались (какъ говорятъ) казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Ioannu, покойной Царицы Анастасіи и дѣтей его (*).“ Но почемууже мнимыхъ? почему будто бы? Выше замѣтили мы и ниже еще увидимъ, что отъ Бояръ тогдашняго времени всякаго зла ожидать было можно. Безъ суда не должно никого порочить; а какой безприспособной судѣ уважаетъ однѣ обвиненія, а вѣтру служащемъ къ оправданію помѣщающіе слова: мнимыхъ, будто бы? О баснословныхъ подробностяхъ казни Князя Дмитрія Шевырева, тушь же описанной, мы говорили прежде (**).

Польская современная Лѣтопись Мартына Бѣльского (3), выпущенная изъ вида Испориками нашими, объясняетъ третію епоху убийствъ (***) . „Лѣша Господня 1568 (говоришъ Бѣльскій) Король Сигизмундъ Августъ, собравши весьма большое ополченіе, выступилъ лично подъ Радосковицы, 24 мили за Вильну, откуда намѣревался со всею силою идти къ Москвѣ; ибо имѣлъ такое войско, какому рав-

(*) Игр. IX, 82.

(**) Ок. 287, 288.

(***) Игр. IX, 99.

наго въ Польшѣ не бывало, и самъ распоряжалъ онимъ. Причиною сего похода было слѣдующее: находился тутъ некто Козловъ, Москвитянинъ, женившійся въ Липѣ и взявший за себя Коршаковну; ешомъ человекъ, бывъ посломъ отъ Короля къ Государю Россійскому, довѣръ получи всѣхъ знающихъ господъ въ Москвѣ до того, что они захотѣли поддаться Королю, лишь бы только сей показался имъ съ войскомъ, Князя же Московскаго, связавши, выдать; для чего Козловъ и посланъ былъ шуда Королемъ (подъ видомъ гонца съ граматами ко Двору). Однако Князь какъ то догадался обѣ умыслѣ, и Козлова посадили на колѣ; а Король, упративъ напрасно время подъ Радосковицами, часть войска распустилъ и возвратился въ Гродно (4).“ Лифляндскій Историкъ Кельхъ, упоминая обѣ ешомъ же заговорѣ, пишетъ, что пурпуръ участвовали Князья: Владимиръ Андреевичъ, Михайло Темрюковичъ (первый двоюродный братъ, другой шурина Царя), и еще какой-то (намъ Русскимъ неизвѣстной) братъ (Stieffbruder) Царской. Послѣдній, не сперяя угрызенія совѣсти, открылъ умыселъ, въ надеждѣ избѣжать наказанія, и тѣмъ произвелъ неслыханныя лютости (*). Кто же виновникъ третьей епохи убийствъ:

(*) Келх. 280, 281.

Царь, или вельможи? Можно ли было остановить неприкосновенными умышленниковъ споль за-тѣйливыхъ? Неблагодарный Князь Владимиръ Андреевичъ, умерщвленный (какъ говоряшъ) въ 1569 году, не стоилъ ли своей участки (5)? Ужасныя описанія подробностей при семъ случаѣ, сдѣланныя Таубе, Крузе, Гваньини и Княземъ Курбскимъ (*), невѣро-яшны и не заслуживають мѣста въ Исторіи.

*Четвертая ужаснейшая эпоха му-
чительства (**), начавшись кончиною Влади-
мира, произошла въ Твери, Новѣгородѣ
и Москвѣ. По словамъ Князя Хилкова, нѣ-
кто Волынецъ Петръ, бродяга, наказанный
Новогородцами, желая имѣ опустить, со-
чавилъ отъ лица всѣхъ ихъ прозѣбу поддан-
ства къ Королю Польскому; подписалъ подъ
нею имена шамошняго Архиерея, дворянъ и
гражданъ такъ искусно, какъ будто бы они
сами подписали; положилъ ее въ соборной
церкви за образъ Св. Софіи, и, бѣжавъ изъ
Новагорода въ Москву, донесъ Іоанну, что
Новогородцы ему измѣняютъ. Государь усу-
мился и отправилъ съ Волынцемъ довѣ-
ренную особу въ Новгородѣ для изслѣдо-
ванія. Тамъ Петръ, вошедши съ шовари-*

(*) Игр. IX, 105, прим. 193, 194.

(**) Игр. IX, 40.

щемъ своимъ шайно въ Соборѣ , выпуливъ упомянутую бумагу и представилъ ее Царю . Сами действующія въ ней лица не ошреклись при Государѣ (когда онъ къ нимъ приѣхалъ) отъ своихъ подписей , хотя и утверждали себя во всемъ невинными (*). Но сказаніе Хилкова , сочиненное въ плену у Шведовъ , чрезъ 146 лѣтъ послѣ событія (**), не доказаточно еще къ убѣжденію насъ въ ея подложности . Если жъ Хилковъ повѣствуетъ и основательно , что все Государь имѣлъ неоспоримое право считать сію прозьбу настоящею : Новгородцы и прежде измѣнили его Дѣду , желая поддаться Польскому Королю , Казимиру (***) ; они оказали себя и предѣ вимъ бунтовщиками . Какъ же требовать того , чтобы онъ положился совершенно на такихъ людей и , отвергнувъ самую ясную улику , оставилъ предателей безъ спрятаго наказанія ? Съ ними поступлено , конечно , уже очень жестоко ; но ешо должно приписать болѣе къ суровости нрав въ тогдашняго времени , нежели къ тиранству Царя . Подробности другихъ казней , означенныхъ подъ сею эпохою (кромѣ страдальческой кончины Митрополита Филиппа) , описаны только

(*) Яри . 241 — 243.

(**) Яри . предисловія страница VI . VII .

(***) ПРО . 208 . Ник . VI , 18 , 19 . Лв . III 16 .

испориками, не заслуживающими довѣрія (6). Самое слово *гойда*, *гойда*, которое будто бы *убийцы*, совершившие *дѣло*, и обливанные кровію, съ дымящимися мечами стоя передъ Царемъ, восклицали и славили его *правосудіе* (*), доказываетъ выдумку: гдѣ слыхано, чтобы у насъ, вмѣсто привѣтствія Царю, кричали: *гойда*, *гойда*? Гваньини, упоминающей объ ешомъ, кажется, и самъ не зналъ, чѣмъ онъ пишетъ (7).

Пятая епоха душегубства (**), проишедшая, какъ говорятъ, опѣвъ того, что Царь счипалъ болѣвую невѣсту свою, Марфу Васильевну Собакину, испорченную злодѣями, основана вся на сомнительныхъ сказаніяхъ Таубе и Крузе (***) , а подробности *шестой епохи казнѣй* (****) на пристрастныхъ словахъ Князя Курбскаго (*****). О степени довѣрія къ послѣдней уже мы говорили прежде (*****); остается намъ дать нѣкоторое понятіе о обоихъ первыхъ и о Гваньини.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

(*) ИГР. IX. 160. 161.

(**) ИГР. IX 187.

(***) ИГР. IX, прим. 365, 366.

(****) ИГР. IX, 265.

(*****) ИГР. IX, прим. 478 — 488.

(******) См. Ок.